

Правда и ложь

Эта старуха привязалась к Веронике на прогулке — ну, как это обычно бывает.

Вероника приехала в санаторий три дня назад — привёз муж, за руль после *той* аварии она садиться боялась.

Сразу обрушилась целая гора процедур — массаж, иглотерапия, бассейн, ЛФК. Только после ужина было время немного передохнуть и погулять. Вероника вышла из корпуса и, опираясь на палку — без палки она ходить еще боялась, осторожно дошла до скамейки перед столовой. На улице стояло распрекрасное бабье лето и под ногами плотным и ярким ковром лежали опавшие листья. Вкусно пахло грибами и прелой травой.

Старуха материализовалась минут через пятнадцать. Любопытная, как все старухи, она начала спрашивать Веронику обо всём — и почему она с палкой — ах, авария. Какой кошмар, ах сустав, ах переломы. Надо же, чтобы так угораздило! — такая молодая и приятная женщина, почти девочка. Далее хорошо воспитанная Вероника давала подробный отчёт — сколько лет, где работает, кто муж, как зовут детей. Вероника, не любопытная по природе, удивлялась, как может совершенно постороннего человека так глубоко интересоваться чужая жизнь. Но старухе — было видно — это и впрямь всё было интересно.

Старуха была похожа на большую, старую и облезлую ворону. Седые, растрёпанные волосы, крупный крючковатый нос, большие широкие ладони. Облик завершали многочисленные чёрные тряпки, висевшие на старухе, как на пугале — чёрная юбка, чёрные чулки и ботинки, чёрный макинтош. Старуха много курила и хрипло кашляла.

Вероника извинилась и заторопилась в номер — к вечеру сильно свежело. Кряхтя и охая, старуха проводила Веронику до корпуса. Наутро, на завтрак, старуха увидела сидящую в одиночестве за столом Веронику и бодро направилась к ней, видимо, полагая, что её общество безусловно

приятно. Вероника тяжело вздохнула и отодвинула пустую тарелку из-под манной каши. Старуха и на сей раз была не в меру любопытна и словоохотлива. Пару раз кивнула проходящим мимо них людям и начала рассказывать свистящим шёпотом какие-то истории из жизни отдыхающих.

— Простите, но мне это неинтересно, — решительно сказала Вероника.

Старуха замолчала и обиженно захлопала глазами с редкими ресницами.

Вечером Веронику настигла та же участь. Старуха опять под села на скамейку.

— Вот влипла, — подумала Вероника. — Всегда со мной так.

Старуха закатывала глаза и с упоением сплетничала про медсестер, врачей, уборщиц и поварих.

Веронике хотелось поскорее уйти в номер — выпить горячего чаю, почитать, наконец, новую Улицкую, позвонить своим по телефону. И всего-то было нужно — просто резко оборвать старуху, извиниться и быстро пойти к себе. Быстро не получилось. Старуха начала вспоминать любимых актеров её поколения. Далее — интересоваться литературными пристрастиями Вероники. Вероника удивилась — старуха была хорошо информирована. В курсе всех книжных новинок.

Старуха опять проводила измученную Веронику до дверей корпуса, объявив на прощание, что с ней «очень мило». Вероника кисло улыбнулась.

В столовой теперь старуха Веронику явно караулила, стоя с подносом в руках и оглядывая глазами столики с отдыхающими. Вероника хоть и раздражалась, но старуху жалела — бедная, скорее всего, одинока, как перст. Она вообще была из жалостливых. Отводила глаза, когда проходящие мимо их столика отдыхающие, бросали на них насмешливые и сочувствующие взгляды.

Меж тем, исчерпав, видимо, все последние сплетни и новости, старуха явно загрустила. И как-то вечером, на скамейке, решила наконец рассказать о себе. Бедная Вероника! Воспитанная девочка из хорошей семьи! Где

мама и папа с детства вложили в её голову, что старших надо уважать, что к ближним надо быть терпимой, и не отмахиваться от чужих горестей и проблем. Прописные истины, впитанные с молоком матери. Вот и хлебает сейчас полной ложкой! Старуха приосанилась, воодушевилась и торжественно объявила, что история её жизни уникальна. Необыкновенная. Трагичная — это безусловно. Преподнесено это было так, будто Веронику новые познания страшно обогатят и наполнят. Словом, старуха *решила* поделиться сокровенным. С полным доверием. А это что-то да значит. Она откинула голову, на минуту прикрыла глаза. Неторопливо и размеренно, с долгой, тщательно выверенной для эффекта, паузой, начала свой рассказ. Издалека. Слава богу, не из детства и юности, но молодости точно.

Первый муж был инженер-нефтяник. Крупный специалист, таких по пальцам. Послали в долгую командировку в Баку — там он был незаменим. Дали роскошную виллу — пять комнат, терраса. Белый дом, колонны, чей-то бывший особняк. Теперь — только для специалистов такого класса. Прислуга и повариха. Чёрная икра на завтрак, осетрина на обед. Кусты роз под окном. В саду гуляет павлин. Правда, по ночам орёт дурным голосом, но это мелочи. Она — молода и прекрасна. С мужем полная, полнейшая идиллия. Она ходит в белом кисейном сарафане и срывает с дерева янтарный инжир. Купается в море, много читает. По просьбе мужа привозят фортепьяно. Вечерами она играет с листа. Беременеет. Рожает прелестного мальчика, долгожданного и обожаемого. В семье царят лад и покой. Зарплата у мужа такова, что про деньги не хочется думать. Муж обожает сына. Мальчик очарователен — белые кудри, черные глаза. В три года знает буквы и пытается складывать слова. Резвится в саду — отец купил ему щенка. Жизнь безоблачная, как синее апшеронское небо.

До поры. В пять лет мальчик тяжело заболевает. Да что там тяжело! — болезнь страшная и необратимая — опухоль мозга. За что их так наказывает бог? Мальчик сторает за полгода. Могила на русском кладбище в Баку. Па-

мятник из белого мрамора — малыш бросает в море гальку. В броске закинута пухлая ручка, откинута кудрявая голова. Муж чернеет лицом, а она не встает три месяца. Он носит ее на руках в туалет. Видеть никого невыносимо, и прислуга становится бестелесна. Она просит мужа уехать в Москву — так ей кажется, что будет легче. Ему идут навстречу — и отпускают их на несколько лет.

В Москве она постепенно начинает приходить в себя. Новая квартира на Тверской, новые связи, новые подруги. В ноябре она заказывает в ателье шубу, закрашивает седину и покупает сервиз на двенадцать персон. В доме опять появляются люди. У мужа крупный пост в министерстве. Они ведут светский образ жизни — приемы, обеды, премьеры. Через три года — а ей уже хорошо за тридцать, она, наконец, беременеет. Беременность протекает тяжело — все-таки возраст, но она, слава богу, рождает прекрасную девочку, очень крупную, четыре с половиной килограмма. Лицом девочка вылитая отец. Он, конечно же, её обожает — долгожданный и такой желанный ребенок. Девочка тиха и послушна. В четыре года берётся за карандаш и рисует изумительные картинки. Чудо, а не ребёнок. Снова няни, прислуга. Они опять начинают выходить в свет.

Когда девочке исполнилось девять лет, её сбивает машина. На Тверской, когда девочка возвращается из музыкальной школы. Сбивает насмерть. Теперь они не встают оба — муж лежит в кабинете, она в спальне. Лечат их лучшие доктора. Она поднимается первая — и начинает ухаживать за мужем.

Через год муж объявляет ей о том, что уходит. У него новая женщина, конечно же, молодая. У него новая жизнь. Они ждут ребёнка. Она пытается отравиться, но её спасают. Разменивают квартиру на Тверской — и она уезжает в Перово, в однокомнатную. Муж, правда, даёт денег на содержание. Но это весьма скромное содержание. Ей надо привыкать жить по-новому. Она идет в районную школу библиотекарем. Там, среди людей, понемногу приходит в себя.

И через пару лет даже выходит замуж. За неплохого человека, вдовца, военного в чине майора. У майора десятилетняя девочка, дочь. Девочка с ней груба и неприветлива, но она терпелива и упорна. И их отношения более или менее, становятся похожими на нормальные. Они съезжаются, и у неё снова трёхкомнатная квартира. Достают по записи ковер, цветной телевизор. Подходит очередь на машину. Начинают строить дачу. Жизнь тяжела, но все-таки это жизнь. С мужем живут неплохо, а вот у дочки характер тяжёлый. Но девочка очень талантлива, в точных науках — ей прочат большое научное будущее.

Далее, собственно, ничего особенного в жизни не происходит — хватит с неё событий. Живут они тихо, свой огород, цветы в палисаднике, варенье, отпуск в Кижии или Питер. На море она больше не ездит. После университета дочка уезжает в Америку — получает грант. Она, конечно же, там остаётся, она же нормальный человек. Выходит замуж, рождает сына. Сын растёт успешным и положительным. Муж умирает от инфаркта в почтенном возрасте.

Дочка звонит два раза в неделю — ну, это уж обязательно. Присылает посылки, деньги. Зовёт ее к себе. Но, знаете, не хочется быть обузой, да и потом какая там новая жизнь.

— Буду доживать эту. — Старуха откидывается на скамейке и тихо, беззвучно смеется.

Вероника потрясена. Она долго не может прийти в себя, а потом провожает старуху до её корпуса и долго гладит по руке.

Ночью, конечно, не до сна. Она дважды пьёт снотворное и обезболивающее — под утро очень разболевается нога и спина. К завтраку она не спускается. И долго лежит в кровати в своих скорбных мыслях. Ей стыдно за то, что она так сильно переживает по мелочам — у мужа не клеится на работе, сын принес двойку, нет шубы и приличных сапог, в квартире давно пора делать ремонт — отваливается плитка и отходят обои. Ей стыдно за то, что она такая мелочная и неглубокая, за то что ее угнетают

и расстраивают такие пустячные и незначительные вещи. И вообще ей почему-то стыдно, что жизнь её в общем-то так безоблачна и благополучна. Она звонит домой — сегодня суббота и все домашние дома — и долго говорит с мужем, говорит с ним горячо, и объясняется ему в любви, потом она просит к телефону сына и почему-то плачет, услышав его голос.

И еще она безумно боится встречи со старухой. Хотя, понятно. Сочувствовать и сокрушаться просто нету сил.

Поднимается она только к вечеру и перед ужином идёт на массаж.

Массажистка, крупная, немолодая женщина с сильными руками и смешным именем Офелия Кузьминична, профессионально и мягко делает ей массаж. Она немного расслабляется и начинает приходить в себя.

Офелия Кузьминична спрашивает ее про ее новую подругу, и она понимает, что речь идёт о старухе.

Она пытается рассказать ей что-то о своей невольной знакомой, но Офелия машет рукой — знаю, все знаю. Она сюда ездит уже который год. По бесплатной собесовской путевке. Морочит всем голову, обожает полегчить. А сама, между прочим, тот ещё конь. Кардиограмма, как у молодой. Ну, конечно, суставы, артрит — это всё понятно.

— Жизнь у неё, конечно, не сахар — продолжает Офелия. Сын всю жизнь сидел — как сел по малолетке в шестнадцать, вооруженный грабёж, что ли, так и пошло дело. Выйдет на полгода — и снова садится. Жить на воле не может. Она к нему ездила столько лет, а потом он вышел в очередной раз и вообще сгинул. Дочка родилась крепкая физически, красивая, но полный олигофрен. Дома с ней не справлялись. В десять лет отдала её в интернат. Ездила к ней всю жизнь исправно — но та её даже не узнавала. Только в руки смотрела — что ты привезла. В общем, слюни по подбородку. Муж её первый бросил, ушёл к молодой. Она, уже в годах, второй раз вышла замуж, за военного, что ли. У того девочка была, дочь. Стерва редкостная. Всю жизнь им испортила. А ведь она, старуха, столько в нее вложила, всю душу, всё сердце. Дочка эта потом замуж вышла, на север уехала. Даже отца

хоронить не приезжала. Сука та еще. Старухе вообще не пишет, не звонит. Ни копейки за все годы.

Офелия звонко хлопнула Веронику по мягкому месту:

— Ну, все, вставай, красавица. На ужин опоздаешь.

Вероника молча поднялась, оделась, кивнула и вышла из кабинета.

На ужин она не пошла. На следующий день опять началась бесконечная беготня по кабинетам. В обед в столовой старухи не было, впрочем, как и в ужин тоже. Видимо, уехала. Слава Богу! Иначе бы пришлось общаться — а это казалось Веронике невыносимым. На вечерней прогулке после ужина Вероника совсем успокоилась — старухи нигде не было, значит, точно, уехала. Сыграла последний спектакль — и занавес. Можно уезжать со спокойной душой. Чужую-то душу она разбередила до доньшка, отыгралась. Артистка хренова. Впрочем, что её осуждать — хотел человек чуть прикрасить свою жизнь, правда, таким странным и страшным образом. И, не всегда бывает понятно, что страшнее — правда или ложь.

Вероника присела на лавочку, прикрыла глаза и стала вдыхать запахи осеннего, вечернего леса.

И жизнь не показалась ей такой страшной и ужасной. Несмотря ни на что.